

Ошибалась без конца...

Россия. — 2003. — 17 сент. — с. 12



1913 г. Пока еще счастливое семейство (слева направо): Елена и Максимилиан Волошины, Сергей Эфрон с Мариной и дочерью Алеи

Валентина Рогова

«К вам душа так радостно влекома!..

Я давно уж не приемлю чуда,

Но как сладко слышать: чудо — есть!» — писал Максимилиан Волошин Марине Цветаевой.

Он пришел к ней в московский особняк на Трехпрудном зимой 1910 года, проговорил 5 часов, а потом прислал книгу Анри де Ренье «Встречи господина де Брею». Максимилиану было 33 года, ей — 18. Только что вышел первый его сборник лирических «Стихотворений», а Марина, гимназистка 7-го класса, сама издала свой «Вечерний альбом» («Невестам мудрецов»).

Коктебельское счастье

Она приехала к нему в Крым 5 мая 1911 года, и Макс несся ей навстречу от коктебельского дома (коему этим летом уже исполнилось 100 лет) огромными прыжками, с широченной радостной улыбкой, обгоняя стаю не то диких собак, не то домашних волков.

Возможно, несколько фривольное начало дружбы, но девушка «взрослела без матери», а зевсopodobному поэту нестерпимо было представить ей Елену Оттобальдовну. «Это была, — напишет о них Цветаева позже, уже в эмиграции, — неразрывная и вовсе не дружная пара. Вся мужественность, данная на двоих, пошла на мать, вся женственность — на сына, ибо элементарной мужественности в Максе не было никогда, как в Е. О. — элементарной женственности. Если Макс позже являл чудеса бесстрашия и самоотверженности, то являл их человек и поэт, отнюдь не муж (воин). Являл в делах мира (примирения), а не в делах войны. Единственное исключение — его дуэль с Гумилевым».

В течение шести лет после этой встречи Марина обретет счастливую семью и поэтическую славу, в трагический узел ее линии судьбы стянутся «октябрьские смертные дни», когда «чернь рвалась к добыче вождельной».

А тогда, в 1911-м, было самое лучшее цветаевское лето. Марина встретила в Коктебеле Сергея Эфрона и написала: «Милый, милый, друг у друга мы навек в плену!» Он тоже полюбил Марину, и все коктебельцы волновались за их счастье. Марина и Сергей уехали в уфимские степи лечить кумысом его туберкулез. Когда здоровье наладилось, молодые вернулись в Москву и позвали друзей на свадьбу.

Церемония венчания происходила в церкви Рождества Христова в Палашах 27 января 1912 года. Посаженной матерью была Елена Оттобальдовна (она же крестила старшую дочь Эфронов — Ариадну). Сергей Яковлевич относился к Волошиным неизменно как к своей родной семье.

Из сегодняшнего материального далека и эти человеческие привязанности, и жизнь молодоженов видятся нереальными: новобрачные отправляются в сказочное свадебное путешествие по европейским центрам культуры, возвращаются к от-

крытию Музея изящных искусств имени императора Александра III на Волхонке — триумфу Маринино отца Ивана Цветаева, профессора римской словесности Московского и Киевского университетов. В этом же году выходит в свет вторая поэтическая книга Цветаевой «Волшебный фонарь», в следующем — сборник «Из двух книг», далее — циклы стихов к Александру Блоку, Осипу Мандельштаму, Анне Ахматовой, выступления на поэтических вечерах, переводы, публикации...

Бело-черная Таврия

Осенью рокового 1914 года Марина находит «волшебный дом» в Борисоглебском переулке, где сразу же поселяется семья, и пишет: «Мы — молоды, и мы еще расскажем о королях». Для автора «Лебединого Стана» этот уголок Москвы останется последним сном ее старого мира.

Сергей Эфрон, ее «самый родной на всю жизнь» человек, сын профессиональных народовольцев из «Земли и воли», «Черного передела», добровольно ушел в Белую армию. Прапорщиком 10-й роты 56-го запасного полка, расквартированного в Александровском училище, он охранял осенью 1917 года Московский Кремль от большевиков. «Все это страшный сон. Главное, — писала ему 2 ноября 1917 года жена, — Вы сам, с Вашим инстинктом самоистребления. Разве Вы можете сидеть дома? Если бы все остались, Вы бы один пошли, потому что Вы безупречны».

Она нуждалась в сердце всепрощающем, которое бы не отвернулось от белогвардейцев, в каких бы позорных язвах, пропастях они ни оказались. Поэтесса дерзко воспевала тех, кто боролся с атеистической большевистской властью с оружием в руках:

Где лебеди? — А лебеди ушли.

А вороны? — А вороны остались...

А папа где? — Спи, спи, за нами Сон,

Сон на степном коне сейчас приедет.

Куда возьмет? — На лебединый дон.

Там у меня — ты знаешь? — белый лебедь.

4 ноября 1917 года супруги уехали из Москвы в Коктебель: на юге, в Таврии, собирались лучшие белые силы России. Вскоре Эфрон отбыл в Новочеркасск. 18 января 1916 года он неожиданно и тайно появился в Москве, а в конце месяца в составе офицерского батальона выступил в легендарный Ледяной поход генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Эфрона тянуло на войну, он не боялся смерти, считал, что не он в России, а Россия в нем.

«Что делали? — спросит его жена в Москве в Благовещение 1918 года и ответит: Да принимали муки». Участник похода Роман Гуль уточнит эту строку из «Лебединого Стана»: «Бой с фронта. Бой с тыла... Подкреплений ждать неоткуда... Запрещено курить и говорить. Ехать приказано рысью всю ночь. Снарядов нет, патронов нет... Люди — как тени... офицерские полки сводятся в роты».

Цветаевская мечта вывезти из Москвы к Волошиным детей, «жить и умереть, там видно будет, но с Максом и Пра (домашнее имя Елены Оттобальдовны. — Ред.), вблизи от Сережи», не сбылась. Ее «дни в стране обид» тянулись горше горького. В 1920 году в кунцевском приюте от голода умерла младшая дочь Ирина, а золовки Елизавета и Вера «вели себя хуже, чем животные, — вообще все отступились»; сгинул в подвалах Лубянки великий русский историк Дмитрий Иловайский, дед Андрея и Валерии Цветаевых (сводных брата и сестры Марины); ушел из жизни дядя Дмитрий Владимирович...

Ледяной Берлин

Марина Ивановна возненавидела Москву («людную пустошь»), но уехать не могла, так как ждала своего «белого лебедя»: «Лебединый Стан! Славные обломки! ...по чужим местам — Воины с котомкой! да! Проломилась донская глыба! Белая гвардия — да! — погибла».

Благодаря Илье Эренбургу Марина Ивановна получила летом 1921 года весточку от мужа — воистину их союз сохранило провидение. Она тотчас же решила ехать к нему. Цветаевой посчастливилось одной из первых получить эппмановские заграндокументы. И это было чрезвычайно своевременно. Уже на следующий день — 12 мая — был отстранен от управления церковью, а затем переведен во внутреннюю тюрьму на Лубянку патриарх Тихон, начались скоростные аресты профессоров Московского и Петроградского университетов, в списках значились Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Иван Ильин...

Марина Ивановна с дочерью Ариадной приехали в Берлин 15 мая. Русская эмиграция не открыла этой семье объятий, Нина Берберова зло написала, что Цветаева к самоубийству шла всю жизнь «через выдуманную ею любовь к мужу и детям. Ее увлечение Белой армией было нелепым... она не владела собой, ошибалась без конца».

Но был и иной взгляд. Георгий Адамович, к которому Марина Ивановна относилась резко отрицательно, написал в ее память:

Поговорить бы хоть теперь, Марина!

При жизни не пришлось. Теперь вас нет.

Но слышится мне голос лебединый...



Волошинский дом примирения